

Траектории развития регионализма в России: опыт Свердловской области и Республики Татарстан^{1,2}

Т.Б. ВИТКОВСКАЯ*, М.В. НАЗУКИНА**

***Татьяна Борисовна Витковская** – кандидат политических наук, научный сотрудник, ФГБУН «Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук». Адрес: 614990, Пермь, ул. Ленина, д. 13а. E-mail: vit.tatiana@gmail.com

****Мария Викторовна Назукина** – кандидат политических наук, научный сотрудник, ФГБУН «Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук». Адрес: 614990, Пермь, ул. Ленина, д. 13а. E-mail: nazukina@mail.ru

Цитирование: Витковская Т.Б., Назукина М.В. (2021) Траектории развития регионализма в России: опыт Свердловской области и Республики Татарстан // Мир России. Т. 30. № 1. С. 67–87. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-1-67-87

В статье анализируются траектории развития регионализма в российских регионах в период с 1990-х годов, когда регионализация шла наиболее активно, по настоящее время, когда регионализм стал ослабевать. Представлен анализ динамики и современных форм регионализма в двух российских регионах – Республике Татарстан и Свердловской области. Отдельное внимание уделено регионалистским движениям (организациям, партиям) в указанных регионах как акторам, артикулирующим регионализм. Анализируются стратегии региональных элит, поскольку паттерны их взаимодействия с регионалистскими организациями предполагают разные конфигурации, обуславливающие различные траектории динамики регионализма в России. Разграничиваются регионализм «снизу» как активность регионалистских организаций, и регионализм «сверху» как политика региональных элит. Доказано, что соотношение данных измерений в пределах региона оказывает влияние на формирование региональной модели. В статье представлены результаты эмпирического исследования, проведенного в Республике Татарстан и Свердловской обла-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00053 «Субнациональный регионализм и динамика многоуровневой политики (российские и европейские практики)») в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН.

² Статья опубликована в рамках проекта НИУ ВШЭ по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций «Университетское партнерство».

сти в 2019 году, продемонстрировавшего, как были сформированы модели элитарного регионализма в Республике Татарстан и латентного регионализма в Свердловской области. Показаны различные траектории динамики регионализма – его элитизация в Республике Татарстан и маргинализация в Свердловской области.

Ключевые слова: регионализм, региональная идентичность, региональные элиты, регионалистские движения, Республика Татарстан, Свердловская область

Введение

В 1990-е – начале 2000-х в силу активности процессов регионализации эта проблематика находилась в фокусе внимания многих исследователей [Shlapentokh 1994; Hughes 1994; Stavrakis 1997; Магомедов 2000; Гельман 2001–2002]. Политика развития региональной автономии позволяла ее активистам артикулировать региональные особенности, своеобразие и идентичность. В это же время сформировались региональная субъектность и центры регионализации, где возникли движения и партии, выступавшие за предоставление широких прав для своих территорий через поддержку идеи региональной автономии и отрицание сверхцентрализации.

Активность региональных партий и движений в 1990-е гг., как и деятельность других партий, проявлялась прежде всего в участии в выборах. Анализ официальной статистики изданий ЦИК РФ³, касающейся участия региональных общественных объединений (в т. ч. в избирательных блоках) в выборах депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти и выборах руководителя (высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта РФ, позволяет определить наиболее влиятельные из этих движений, а также выделить варианты местных движений.

Первым ареалом распространения регионалистского дискурса стали республики, в которых действовали движения на стыке региональной и этнической тематик (этнорегиональные движения). Повестка автономии выдвигалась ими либо как требование прав в качестве субъекта конфедеративного государства (радикальный сценарий), либо в формате больших прав для территории в пределах автономии внутри федерации. Второй блок движений – провластные регионалистские партии и движения, созданные элитами (чаще губернаторами) для обозначения региональной проблематики и мобилизации сообществ на основе региональной идентичности; для такого рода организаций важным стал лозунг «мы – жители региона» (прежде всего это уральцы, новгородцы, сибиряки). Самыми активными движениями были «Преображение Урала» в Свердловской области и Краснодарское краевое общественно-политическое движение «Отечество». Во второй половине 1990-х гг. они продвигались губернаторами Э.Э. Росселем и Н.И. Кондратенко (обеспечивая

³ Составлено М.В. Назукиной по: Выборы глав исполнительной власти субъектов Российской Федерации. 1995–1997. Электоральная статистика (1997). М.: Весь Мир; Выборы в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации. 1995–1997. Электоральная статистика (1998). М.: Весь Мир; Выборы в органы государственной власти субъектов Российской Федерации. 1997–2000. Электоральная статистика: В 2 т. (2001). М.: Весь Мир.

им тем самым переизбрание), а также формировали большинство в региональных парламентах. Третий вариант движений – небольшие группы влияния или движения активистов, не зависящие от властей, со своими программами. Показательный пример такого рода движений – Балтийская республиканская партия в Калининградской области⁴; ее лидеры выступали за повышение статуса области до республиканского. Позднее возникшее на ее основе движение «Республика» подверглось давлению со стороны властей, что вынудило его активистов эмигрировать.

В 2000-е гг. в России произошла трансформация отношений между центром и регионами в сторону централизации, которая была связана с федеративной реформой и изменением избирательного законодательства. Слово «регионализм» в официальном политическом дискурсе начинало восприниматься как синоним понятий «сепаратизм» и «экстремизм», что не позволило полноценно использовать регионализм в продвижении интересов регионов. Политическая субъектность регионов сместилась в символические плоскости [Назукина 2019, с. 532], перейдя в формат торга за экономические преференции. Именно в силу контекстуальных причин, которые ограничивали выдвигание требований автономии, траектория развития регионализма в России сместилась в сторону «затухания» и «исчезновения» политических движений.

Однако, несмотря на это, остаются регионы, где идеи регионализма продолжают существовать и сегодня. Об этом, в частности, говорят данные контент-анализа российских СМИ, который провели авторы статьи на основе системы мониторинга и анализа СМИ «Медиагология», обобщающей информацию более чем 30 тыс. источников⁵. Наличие регионалистских организаций/акторов, действующих в настоящее время, определялось на основе контент-анализа СМИ за 2014–2019 гг. Исследование показало, что связка понятий «регионализм» и «региональное движение» встречается в отношении Республики Карелия («Республиканское движение Карелии»), Санкт-Петербурга и Ленинградской области (РОО «Санкт-Петербург – движение за автономию», «Свободная Ингрия», НКО «Ингерманландская национально-культурная автономия»), Архангельской области («Поморское Возрождение», «Республика Северная Русь»), Приморского края («Движение за Дальневосточную республику»), Калининградской области (движение «Республика»), Краснодарского края (казаческие организации), Новосибирской, Томской, Иркутской, Омской областей (современные сторонники идей областничества), Свердловской области (последователи идеи Уральской Республики), Республики Татарстан и Башкортостан. Это наиболее яркие примеры продвижения этнорегионального и экономического регионализма, причем характер деятельности этих движений отличается в зависимости от региона: в одних случаях активность сохраняется лишь в социальных сетях, в других регионалистские организации ведут реальную практическую деятельность, в т. ч. участвуют в региональной политике. Вышесказанное актуализирует изучение вопроса о разных траекториях эволюции регионализма. Таким образом, проблему исследования можно сформулировать как вопрос о вариативности траекторий развития и форм артикуляции регионализма в современной России на фоне его ослабления в большинстве регионов.

⁴ Основана с 1993 г., ликвидирована в судебном порядке в 2003 г.

⁵ <https://www.mlg.ru>

Теоретические основы и методология исследования

Методологию анализа составляют принципы современных исследований регионализма на основе социального конструктивизма. Регион рассматривается как пространство и место формирования социальной идентичности, которая может быть интегративной или автономистской [Keating 2016, p. 5].

Регионализация и регионализм, одновременно оформляющие понятие «регион», создаются и поддерживаются региональной идентичностью [Lawson 2016, p. 389], под которой вслед за К. Зиммербауэром и А. Пааси мы понимаем социально-психологический феномен – сознание региональной солидарности на основе исторической общности и различия с другими [Zimmerbauer, Paasi 2013, p. 32] и которая влияет на развитие и конкурентоспособность региона [Zimmerbauer 2011, p. 243; Raagmaa 2002, p. 55; Sysner 2009, p. 439; Perrin 2012, p. 459]. Концепция региональной идентичности как нарратива помогает осознать пространственность и субъективность региона. Согласно А. Пааси, двойные контексты культурно-исторических и политико-экономических процессов переплетаются в региональных идентичностях, которые одновременно проявляются в дискурсах, регионалистских лозунгах и повседневной практике [Prytherch 2006, p. 210].

М. Китинг отмечает, что регионализм имеет три измерения: культурное, экономическое и политическое. Культурный регионализм фокусируется на языковых и культурных вопросах, защищая региональную самобытность; экономический акцентируется на развитии путем извлечения ресурсов от национального правительства; политический направлен на обеспечение автономии региона [Keating 1995, p. 1494]. При этом сам регионализм он относит к трем элементам: движения, требующие территориальной автономии в унитарных государствах; институты центрального правительства на региональной основе для реализации его политики, включая политику регионального развития; политическая централизация и региональная автономия [Keating 1998].

Следуя логике П.В. Панова, мы рассматриваем три коннотации термина «регионализм»:

- 1) достаточно интенсивная региональная идентичность, основанная на гетерогенности регионов в коллективном восприятии (РИ);
- 2) движение, которое стремится к обретению регионом политической субъектности (РД);
- 3) модель взаимоотношений центра и региона, когда последний обладает политической субъектностью (РЦ).

Очевидно, все три коннотации связаны между собой, но фиксируют разные грани феномена: РИ – “регионалистское” восприятие социальной реальности; РД – деятельность “регионалистских” акторов; РЦ – “регионалистские” практики взаимоотношений регионов и центра» [Панов 2020, с. 106].

Ключевыми акторами, артикулирующими регионализм, являются регионалистские движения, которые стремятся к политическому конституированию региона, обретению им политической субъектности и включению его в политический процесс. Эти организации выдвигают требования, не просто репрезентирующие региональную идентичность, но демонстрирующие стремление к политической субъектности региона, указывая на региональную инаковость во взаимодействии с федеральным центром.

Поэтому, на наш взгляд, стоит развести регионализм «снизу» (активность регионалистских организаций) и «сверху» (регионализм правящей региональной элиты). Соотношение между этими измерениями может быть различным, и применительно к России это приобретает вид отношений, при которых возможны два состояния. Первый вариант предусматривает отстранение регионалистов от политического управления при отсутствии рефлексии властей о региональной субъектности (регионализм «снизу» есть, «сверху» отсутствует). Вторым вариантом можно назвать модель, при которой регионализм присутствует и «сверху», и «снизу», что подразумевает актуализацию региональной субъектности местными властями, несмотря на неблагоприятные контекстуальные условия, связанные с централизацией. При этом регионалистские организации могут сотрудничать с властями или культивировать дискурс на основе тематики региональной самостоятельности. Подобный сценарий может существовать в рамках элитарного регионализма и функционирования политических элит, направленного на перераспределение властных функций между центром и периферией. Это «предполагает практическое использование тех возможностей, которые вытекают из естественного территориального деления современных обществ. Региональное пространство должно восприниматься здесь не как объективистская категория, а выступать в качестве капитала социума, умелое использование которого способно принести немало политических, экономических и прочих дивидендов» [Докучаев, Назукина 2013, с. 21–22].

Гипотеза нашего исследования заключается в следующем: в зависимости от того, как выстраиваются взаимоотношения между регионалистскими организациями и региональной элитой, могут возникать разные конфигурации, обуславливающие различные траектории динамики регионализма в России. Если региональные акторы не только используют регионалистский дискурс на уровне риторики, но и активно продвигают интересы региона, то регионалистские движения остаются в поле политических процессов региона, адаптируясь к контекстуальным требованиям запрета региональных партий (траектория «сохранение» регионализма). В случае, если элита не использует или использует регионалистский дискурс лишь инструментально (например, для решения задачи легитимации своего «варяжского» происхождения), а у региона отсутствуют сильные лоббистские акторы, отстаивающие региональный интерес, регионализм продолжает существовать только в виде дискурса региональной идентичности и не акцентируется как организационное движение (траектория «маргинализация» регионализма). Иными словами, формами системного существования регионалистских движений в современной России становятся модель элитарного регионализма, в которой значимую роль играют элиты, использующие риторику региональной самостоятельности и требования в процессе взаимоотношения с центром, и модель «латентного регионализма», при котором регионалистские акторы выдвигают на повестку дня проблематику региональной идентичности, не проявляя его в публичном пространстве.

Эмпирическое поле и методы исследования

Тестирование гипотезы осуществлялось на материалах, собранных в Республике Татарстан и Свердловской области, являющихся одними из наиболее развитых

в экономическом отношении территорий России, и уже ставших предметом аналитических исследований как зарубежных авторов [Easter 1997; Burbank 2015], так и отечественных [Магомедов 2000; Туровский 2006; Понарин, Жирков 2013]. Выбор данных кейсов обусловлен тем, что оба случая представляют собой примеры устойчивого развития регионализма в период его расцвета в 1990-е гг.: Республика Татарстан выступала во главе движения регионов, требовавших расширения политической субъектности; среди неавтономий безусловное лидерство было связано со Свердловской областью и проектом по созданию Уральской Республики. В то же время траектории развития регионализма, несмотря на его равную значимость в этих регионах в 1990-е гг., представляются отличными друг от друга.

Основной метод сбора информации, использованный авторами в исследовании, – интервью с участниками регионалистских движений и экспертами в двух изучаемых регионах (всего 22 интервью)⁶. Интервью с непосредственными участниками регионалистских движений (включая лидеров и активистов регионалистских организаций) позволили составить представление об их идеологических и политических позициях, логике и целях деятельности. Точки зрения участников относительно регионалистских движений оценивались как неизбежно субъективные, поэтому дополнялись мнениями экспертов (исследователей, политконсультантов, общественных деятелей, депутатов, журналистов и писателей).

Безусловно, число взятых интервью невелико, поэтому, помимо экспертных интервью, был задействован метод включенного наблюдения, позволивший оценить, насколько регионалистский дискурс актуален в двух регионах (музейные экспозиции, названия и визуальное оформление объектов социальной и коммерческой инфраструктуры). Исследование дополнили сообщения региональных СМИ Республики Татарстан и Свердловской области, а также материалы и посты страниц регионалистских акторов в социальных сетях. Отбор осуществлялся по текстам представителей регионалистских организаций и экспертов, в которых присутствовали ключевые слова «регионализм», «региональная идентичность» и другие.

Результаты исследования

Сохранение регионализма: элитарная модель в Республике Татарстан

В 1990-е гг. активному развитию регионалистского движения в Татарстане способствовала не только общая обстановка в стране, но и ситуация в самой республике, где большую часть населения составляли этнические татары. Региональное движение разворачивалось на стыке собственно региональной и этнической

---

⁶ В Татарстане в июле 2019 г. авторами была проведена серия полуструктурированных интервью с участниками регионалистского движения (N = 3) и полуструктурированных интервью с экспертами (N = 11). Интервью в Свердловской области (декабрь 2019 г.), где в настоящее время регионализм в форме активного движения уже не проявляется, проведение интервью с действующими лицами регионалистского движения оказалось невозможным, поэтому основная информация была получена от местных экспертов в рамках серии полуструктурированных интервью (N = 8). Большинство экспертов в прошлом выступали участниками регионалистских движений, а трое из них до сих пор остаются на площадках социальных сетей персонифицированными акторами.

тематики, при этом этническая преобладала; более того, этничность стала основанием для выдвижения требований реального федерализма. По своим социально-экономическим показателям Татарстан был соизмерим с рядом союзных республик времен СССР: еще в 1977 г. при принятии новой Конституции ставился вопрос о преобразовании его в союзную республику; в 1990–1991 гг. этот вопрос также поднимался с расчетом на то, что Татарстан пополнит число сторонников сохранения Союза.

В этот период сформировались Татарский общественный центр и Всемирный конгресс татар: первый позиционировал себя как защитник прав Татарстана, второй фокусировался на решении этнорегиональных проблем. Председатель Всемирного конгресса татар И.Р. Тагиров так обосновывал требования особых прав для Татарстана: «Давайте рассмотрим разницу между правами Татарстана, и, скажем, Свердловской области. <...> Права Татарстана – это собственный суверенитет. А права Свердловской области – это спущенные права из центра. <...> Ведь как получается с правами областей: кто дал, тот и отнял. <...> С республиками так не поступишь, это не просто административные единицы, это ячейки культуры и традиций» [Магомедов 2000, с. 98].

Регионалистское движение, которое подпитывалось «снизу» общественными организациями и активистами, «сверху» поддерживалось региональной элитой. Показательно, что в 1992 г. Татарстан отказался присоединиться к Федеративному договору, а в 1993 г. – провести референдум об одобрении Конституции, и поскольку не было официального доктринального документа, на основе которого Татарстан входит в РФ, двусторонний договор был подписан только в 1994 г. [Стародубцев 2014, с. 86]. В 1990-е гг. бывший президент республики М.Ш. Шаймиев, будучи защитником республиканских интересов, считался одним из лидеров регионального сопротивления централизации, но при этом отказывался от проведения политики агрессивного сепаратизма.

Как было сказано выше, в 2000-е гг. в Российской Федерации произошли институциональные изменения, ограничившие политическую и административную автономию регионов и политические возможности местных элит. Это отразилось на внутривнутриполитической ситуации в Татарстане и характере отношений республики с Москвой:

«2000-е – это период, когда центр укрепляет свои позиции, начинает задавать определенные тренды в общефедеральной политике, и Татарстан пытается встроиться в эту федеральную этнополитику, пытается сохранить позиции, которые были достигнуты в 1990-е, по некоторым вопросам удалось найти компромиссные решения, по некоторым – нет» (социолог-исследователь, доктор наук, 02.07.2019, Казань).

В 2000–2010-е гг. в результате адаптации республики к новым политическим условиям регионалистское движение в Татарстане начало ослабевать; в 2010-е гг. на первый план вышли практические выгоды, стабильность внутри региона и конструктивные отношения с федеральной элитой. Сегодня татарстанский регионализм внешне выглядит как этнорегиональный, а содержательно – прежде всего как экономический.

В настоящее время этническая, а в связи с ней и региональная проблематика активно обсуждаются в организациях, которые можно было бы определить как регионалистские, однако, исходя из их социальной базы, их следует отнести, скорее, к этническим – Всетатарский общественный центр (в прошлом Татарский общественный центр), Всемирный конгресс татар (Всемирный конгресс татарского народа)⁷, Всемирный форум татарской молодежи⁸, движение «Татарстан – Новый век»⁹, которые сегодня заняли весьма умеренные позиции. Спектр легальных возможностей этих организаций представляется достаточно широким: они могут участвовать не только в общественной, но и в политической жизни республики; основным ограничением является запрет на создание региональных и национальных партий, который оставляет их в статусе общественных организаций. Однако перечисленные выше организации практически не используют доступные электоральные процедуры: их представители не участвуют в местных выборах, а лидеры не заявляют о поддержке определенных кандидатов; они не функционируют самостоятельно как квази- или протопартии, ограничиваясь взаимодействием с «Единой Россией». Несмотря на то, что некоторые члены этих организаций участвуют в праймериз единороссов, местный эксперт объясняет это *«массовым характером праймериз самой крупной российской партии и не расценивает как шаг в публичную политику»* (политолог-исследователь, доктор наук, 03.07.2019, Казань). В Татарстане не выявлено квазирегионалистских организаций, созданных как политические проекты и использующихся в сугубо инструментальных интересах. Регионалистские организации, как правило, не устраивают пикеты, шествия, демонстрации (хотя *«они могли бы выйти на улицу и идти под зелеными флагами»*)¹⁰ (политолог-исследователь, кандидат наук, 01.07.2019, Казань)). Исключением стал общественный протест, повлекший за собой выход протестующих на улицы, во время широкой общественной дискуссии об изучении татарского языка в школах республики. Однако в этом случае и массовость, и публичность акций были обусловлены актуальностью проблемы, а не участием регионалистских организаций.

Стратегии регионалистских организаций предполагают активное использование интернет-площадок и социальных сетей (прежде всего пространства ВКонтакте и Телеграм)¹¹.

«Сегодня все национальные запросы и интересы перетекают у татар в виртуальную сферу. Именно там сейчас делаются какие-то заявления, сейчас они чаще не говорятся публично, а говорятся там» (социолог-исследователь, доктор наук, 02.07.2019, Казань).

Основным препятствием, ограничивающим политические устремления регионалистских организаций, является позиция властей Татарстана, которые не одо-

⁷ <http://tatar-congress.org/ru/>

⁸ <https://vk.com/ftatar>

⁹ Движение «Татарстан – новый век» – гражданское объединение, возглавляемое главой парламента Ф.Х. Мухаметшиным // https://vk.com/tatarstan_new_ve

¹⁰ Зеленый цвет – один из символов Татарстана.

¹¹ Например, портал «Татполит», телеграм-канал «НеАйсин» и др.

брюют и не поддерживают проявления регионализма в публичном пространстве, тем более с использованием риторики сепаратизма или национализма. Речь не идет о прямых негативных санкциях в отношении организаций или их лидеров, кроме случаев нарушения российского законодательства.

Эксперты определяют все современные регионалистские организации как в большей или меньшей степени провластные, проявляющие активность в границах, очерченных местной властью, когда массовые уличные акции и радикальная регионалистская или националистическая риторика остаются вне этих границ. В то же время в их пределах остаются активность в интернет-пространстве и социально-культурной сфере, просветительская деятельность и информационная работа.

Общими для регионалистских организаций Татарстана стали тезисы и требования, относящиеся к политике в области языка и образования и в сфере национальной культуры. В повестке регионалистских организаций значимое место занимают вопросы изучения детьми татарского языка, образования на татарском языке в высшей школе, поддержки татарской культуры и идентичности. Эксперт очерчивает область интересов таких организаций как существование *«программ в рамках культурной, культурологической автономии»* (исследователь-исламовед, кандидат наук, 02.07.2019, Казань), однако обсуждение этих вопросов политизирует повестку весьма незначительно:

«Сегодня особых ресурсов для того, чтобы Татарстан отстаивал вопросы языка так, как в 1990-е гг., наверное, нет. Обсуждают, но с другим накалом, значительно ослабленным, менее политизированным» (политолог-исследователь, доктор наук, 03.07.2019, Казань).

Четко прослеживаются содержание и уровень требований регионалистских организаций, основные требования которых относятся к области прав и возможностей татар как представителей титульного этноса, но не к сфере полномочий и компетенций органов власти Республики Татарстан как национальной республики. В оценке этих организаций мнения экспертов на сегодняшний день сходятся:

«Что касается Всемирного конгресса татар, они свое лицо как общественная организация потеряли» (представитель Всемирного конгресса татар, 03.07.2019, Казань).

«Конгресс татарского народа воспринимает свою деятельность только на этнокультурном уровне, хотя у них есть потенциал, они в 1990-е говорили совсем другие вещи» (представитель Всемирного форума татарской молодежи, 03.07.2019, Казань).

«В 1990-х Всетатарский общественный центр имел большую политическую самостоятельность, активно выражал политические претензии. А сейчас это, скорее, этнокультурная организация, которая направлена на решение только этнокультурных запросов и старается очень аккуратно выражать или даже обходить этнополитические вопросы» (социолог-исследователь, доктор наук, 02.07.2019, Казань).

В современном Татарстане сохранение регионализма и его новый формат связаны с активностью региональной элиты, единственным актором регионализма, отстаивающим интересы республики во взаимодействии с федеральным центром. Они создают информационный фон для деятельности элиты, обозначая региональные особенности и участвуя в формировании регионалистского дискурса в публичном пространстве. Следует подчеркнуть, что регионализм в Татарстане приобрел сугубо элитарную специфику, где транслятором региональной особенности и лоббистом региональных интересов выступает ограниченный круг представителей правящей региональной элиты: действующий президент Республики Р.Н. Минниханов, его доверенные лица, некоторые высшие чиновники исполнительной власти и отдельные представители республики в федеральных органах власти.

«Руководящая элита – регионалисты. Послушать выступления Минниханова – так он всегда выступает за интересы региона» (политолог-исследователь, кандидат наук, 01.07.2019, Казань).

«Регионализм исключительно властный, а остальных просто не пускают к выражению своей точки зрения» (политолог-исследователь, кандидат наук, 01.07.2019, Казань).

Сегодня республиканская власть в Татарстане действует в условиях, которые заданы федеральным центром: регионалистские амбиции не приветствуются, регионалистские требования отклоняются, главной опасностью считается возможность перетекания регионализма в сепаратизм.

«Федеральный центр расставляет новые приоритеты, и республики пытаются каким-то образом сохранить себя. Если в начале 2000-х гг. республика заявляла о своих претензиях достаточно открыто – это были суды, какие-то громкие заявления, то в последние годы политика стала более гибкой, стала приспосабливаться под общефедеральные тренды. И сейчас республика реализует мягкую, скрытую политику, пытаясь все-таки сохранить те приоритеты, которые важны для республики» (социолог-исследователь, доктор наук, 02.07.2019, Казань).

При этом эксперты расценивают отсутствие двустороннего договора как индикатор произошедших изменений:

«Сегодня договора нет, а последний договор был фикцией, это были две страницы. Что может отрегулировать договор на две тысячи знаков?» (политолог-исследователь, доктор наук, 03.07.2019, Казань).

Стратегия местной власти в сложившихся условиях – это отказ от открытой манифестации регионалистских требований и подмена их другими требованиями, прежде всего экономического характера:

«У нас в республике деполитизированный президент. Сегодня такая ситуация: технократическая, неполитическая» (социолог-исследователь, доктор наук, 03.07.2019, Казань).

«Президент, он регионалист, но он технократ-экономист, пытается защищать интересы, но с экономической и технократической точки зрения» (политолог-исследователь, кандидат наук, 01.07.2019, Казань).

Экономический регионализм всегда был значимым аспектом взаимодействий Москвы и Татарстана, в современных условиях перешел в ранг важнейших. Вопрос о пересмотре характера отношений центра и республики, как и вопрос о пересмотре статуса республики, был вынесен за рамки диалога Москвы и Татарстана. Сегодня региональная политическая элита претендует на сохранение отдельных атрибутов политической автономии (главный из которых – наименование высшего должностного лица «президент»), приобретших символическое значение, но не посягает на расширение политической автономии. Требования региональной власти, предъявляемые центру (как правило, не в форме требований), касаются экономики и бюджета, но не сферы политики и федеративных отношений:

«Политические моменты стараются сильно не затрагивать. Элиты очень активны в плане реализации экономических проектов» (этнолог и социолог, доктор наук, 02.07.2019, Казань).

«У Минниханова “сингапурская модель” – ставка на экономику» (активист, главный редактор издания общественно-политической тематики, 02.07.2019, Казань).

Противоречия, которые возникают между центром и республикой, также связаны экономическими проблемами – налоговым бременем¹², экономическими преференциями, объемом федерального участия в финансировании местных проектов и степенью самостоятельности при проведении регионом собственной экономической политики.

Приоритеты региональной элиты, как и успехи региона, отражены в современных особенностях региональной идентичности. Восприятие специфики региона в значительной мере связано с образами экономически развитого, инновационного, столичного и активного в реализации мегапроектов.

«Быть первыми во всем – девиз Татарстана. Мы инновационные» (политолог-исследователь, кандидат наук, 01.07.2019, Казань).

«Упор на символы инновационности, эффективности, модернизации. Татарстан бьется за то, чтобы удержать позиции наиболее инвестиционно привлекательного региона» (политолог-исследователь, доктор наук, 02.07.2019, Казань).

---

¹² *«Это очень острый вопрос для Татарстана, который является донором и платит очень приличные налоги, каждый год надо договариваться»* (политолог-исследователь, доктор наук, 03.07.2019, Казань).

Со своей стороны федеральный центр идет навстречу республиканской элите в вопросах, относящихся к свободной экономической деятельности региона или финансовой поддержке региональных проектов, игнорируя моменты, которые могут иметь политическое значение или звучание. Так, Татарстан реализовал ряд крупных проектов: проведение Универсиады, WorldSkills, строительство Дворца водных видов спорта, Стадиона, – а в короткий период ухудшения отношений России с Турцией руководство республики сохранило за собой право работать с турецкими партнерами. Вместе с тем показательно, что по истечении срока полномочий действующего президента республики изменится наименование этой должности, также не планируется подписание нового двустороннего договора.

Правящая региональная элита использует как аргумент в диалоге с федеральной властью не только потенциальную возможность политизации региональной идентичности, но и вероятность ее исламизации. Перспектива драматичного развития событий в республике на сегодняшний день, по оценкам экспертов, очень невысока, однако достигнутый уровень религиозной толерантности в регионе татарстанская власть определяет как свое достижение.

«Здесь очень сильна РПЦ, и баланс как раз в сосуществовании религий, казанская власть поддерживает РПЦ, много шагов направлено на поддержку этого баланса. По сути, это конструирование идентичности» (политолог-исследователь, кандидат наук, 01.07.2019, Казань).

В настоящее время региональная элита позиционирует себя как силу, успешно сдерживающую развитие этноэгоизма и пресекающую его проявления, конструирует «культурный код» через мультикультуру и территориальность, оформляющую единую культурно-географическую общность, и демонстрирует стремление преодолевать этническую фундированность местной идентичности. Интересна инициатива введения особого понятия «татарстанцы», которое воспринимается как межэтническая, гражданская идентичность, а в официальном дискурсе выстраивается мифология о татарстанцах как мультиэтническом сообществе [Ланов 2017, с. 100].

Достаточно успешному диалогу с федеральным центром способствует стратегия региональной элиты, базирующаяся на двух основаниях: (1) успешном экономическом и социальном развитии, отмеченном президентом РФ при поддержке выдвижения Р.Н. Минниханова на новый срок, и (2) весьма результативном проведении общероссийских мероприятий: Универсиады, Года рабочих профессий и голосования по выборам президента РФ.

*Маргинализация регионализма:
модель латентного регионализма в Свердловской области*

Аналогично Татарстану пример Свердловской области также является показательным для 1990-х. В тот период борьба за власть структурировала пространство регионалистского движения: различные элитные группы создавали и развивали

собственные регионалистские партии (партия бывшего губернатора Э.Э. Росселя «Преображение Урала», партия бывшего мэра Екатеринбурга А.М. Чернецкого «Наш дом – наш город» и партия нижнетагильской элиты «Горнозаводской Урал»), которые использовались для мобилизации электората.

«Если использовать типологию Мориса Дюверже, это были кадровые партии, сугубо инструментальные, политехнологические проекты» (политолог-исследователь, кандидат наук, 05.12.2019, Екатеринбург).

Опыт существования самой крупной регионалистской партии связан с движением «Преображение Урала» (1993 г.) во главе с губернатором. Целью движения являлось усиление политической и экономической автономии, кульминацией которой стала попытка повысить статус области до Уральской Республики¹³. По мнению экспертов, к идее провозглашения Уральской Республики в начале 1990-х гг. регион привели политические факторы, характерные для страны в целом: отсутствие внимания Москвы к регионам, отказ от решения региональных проблем. За годы своего существования движение довольно успешно использовалось в качестве электоральной основы для продвижения в областную легислатуру сторонников губернатора. Сами авторы идеи Уральской Республики подчеркивают ее элитарный и проектный характер: «Не было реальной социальной опоры – это была самая настоящая авантюра»¹⁴. Этот этап истории рассматривается как расцвет самостийности, инаковости региона, заложивший основы идентичности территории в политическом плане: «Ситуация вокруг Уральской Республики была первой и последней попыткой местных элит вынести на открытое обсуждение вопрос о неравноправии российских регионов»¹⁵.

Ужесточение закона о политических партиях в начале 2000-х гг. сделало невозможным существование региональных партий, и хотя «Преображение Урала» продолжало существовать, оно поменяло политическую концепцию на социально-гуманитарную: ставка была сделана на протекцию регионального патриотизма, поддержку социальных проектов и сотрудничество с другими политическими силами, в т. ч. с «Единой Россией»¹⁶. Уральский патриотизм как таковой сфокусировался в элитарном дискурсе, который использовался в качестве мобилизационного ресурса. Неслучайно в 2011 г. губернатором А.С. Мишариным была предпринята попытка реанимации движения «Преображения Урала»; тогда губернатор анон-

¹³ Начало юридического оформления Уральской Республики было положено проведенным весной 1993 г. опросом о расширении полномочий Свердловской области, в котором приняло участие более 60% населения региона. 25 апреля 1993 г. 83,4% избирателей области проголосовали за Уральскую Республику на референдуме, однако осуществление проекта приостановилось после роспуска 9 ноября Свердловского облсовета и снятия Э.Э. Росселя президентом РФ Б.Н. Ельциным «за превышение полномочий».

¹⁴ «Уральская Республика». Как это было. Глава из книги автора «настоящей авантюры» А. Бакова // Монархическая партия России // http://monparty.ru/news/uralskaya_respublika_kak_eto_bylo.htm

¹⁵ Крашенинников Ф. (2013) Уральская Республика: была или будет? // Политсовет. 8 ноября 2013 // <http://politsovnet.ru/43439-uralskaya-respublika-byla-ili-budet.html>

¹⁶ Морокова А. (2005) «Преображение Урала» дрейфует: старейшее политическое движение на Урале сменило концепцию своей деятельности // Новый день. 30 марта 2005 // <https://newdaynews.ru/ekb/21142.html>

сировал создание культурно-просветительского движения «Бажовское», выступавшего за сохранение индивидуальности региона, его уральской идентичности; предположительно, создание регионального общественного движения должно было развивать идею «воспитания уральского патриотизма»¹⁷.

В настоящее время Уральская Республика представляет собой некий символ-бренд, и время от времени эта тема так или иначе «присутствует в очень странной мифологизированной конструкции» (политолог-исследователь, доктор наук, 06.12.2019, Екатеринбург), ярким примером которой можно назвать протесты 2019 г. по поводу строительства храма Святой Екатерины¹⁸, когда среди прочих на митингах поднимался флаг Уральской Республики. Таким образом, можно утверждать, что сейчас регионалистское движение в регионе не имеет организационной основы и рассматривается экспертами не как «как прошлое. Это уже история» (политолог, общественный деятель, 05.12.2019, Екатеринбург).

Однако ощущение собственной уникальности акцентирует значимость региональной идентичности, иными словами, фундирующей регионализм выступает именно интерпретация особенности сообщества, его идентичности. Опорой этого становится ориентация на макрорегиональную идентичность, укоренившуюся и воспроизводимую самобытность на основе маркера «Урала». Также объединяющим является понимание того, что Свердловская область остается регионом с выраженной региональной спецификой.

«А то, что мы инаковые, все время идем против центра, – мы этим гордились»
(политолог, общественный деятель, 05.12.2019, Екатеринбург).

«Свердловская область – территория с выраженной спецификой регионального мышления, и довольно сильно отличающаяся от других территорий в Российской Федерации» (политолог-исследователь, доктор наук, 06.12.2019, Екатеринбург).

Выявляя отличительные особенности идентичности в Свердловской области, следует обозначить четыре важных момента. Во-первых, в этом случае на уровне дискурса транслируется идея о том, что существует общность людей, объединенных особой культурой, определенными чертами характера и поведенческими установками, т. е. на особость места и жителей повлияли исторические обстоятельства, в первую очередь специфика заселения – «край мигрантов», «раскольничий край».

Во-вторых, можно назвать характеристику активности и ценность свободы, определяющие отличительность региона: «Для Свердловской области очень важна тема и идентификаторы самостоятельности и свободы: отсутствие крепостного права, Уральская Республика» [Киселев 2014, с. 209]. При этом речь идет не только о политических маркерах активности, но и об общем векторе «духа особенности»:

¹⁷ У Мишарина будет свое «Преображение Урала» (2011) // URA.RU. 9 августа 2011 // <https://ura.news/articles/1036256887>

¹⁸ В мае в центре Екатеринбурга прошла акция протеста против строительства храма Святой Екатерины на территории сквера около драмтеатра. Активисты отстояли сквер, а итогом протестов стала организация опроса населения с целью определения нового места для строительства храма.

«Дух отдельности и независимости здесь присутствует» (философ-исследователь, доктор наук, 05.12.2019, Екатеринбург).

В-третьих, сама мифология «опорного края державы», закрепившаяся в годы Великой Отечественной войны, когда Урал репрезентировался через образы уральского мастера¹⁹, воспетого в сказах Бажова, в настоящее время трансформируется. «Уральский» маркер приобретает лишь символическое звучание: «Рабочая индустриальная идентичность исчезла» (писатель, 06.12.2019, Екатеринбург). Вышеизложенное порождает интересный феномен, объединяющий уральскую идентичность с современными амбициями, и свидетельствует о дифференцированной символической системе: примером новаций может служить «Ельцин Центр»²⁰ как новое знаковое, имиджевое место.

В-четвертых, эксперты отмечают перспективность использования региональной идентичности для развития региона:

«Вкладывать деньги надо не в политическую историю, а в культурную. Вот Бажов, его хоть как переписывай, он Бажовым и останется. Делать надо не Диснейленд, а Бажовленд на основе “Малахитовой шкатулки”» (писатель, 06.12.2019, Екатеринбург)²¹.

Таким образом, на уровне общественных проектов («снизу») регионализм продолжает существовать в лице малочисленных активистов, рефлексирующих о региональной инаковости и предлагающих свои варианты будущей регионализации. Первый – формирование более крупного образования через объединение Свердловской и Челябинской областей: «Я, например, считаю, что в условиях депопуляции России не политическое, но хозяйственное объединение Челябинской и Свердловской областей дало бы мощный кумулятивный эффект» (журналист, общественный деятель, 05.12.2019, Екатеринбург). Второй вариант – выделение Екатеринбурга со статусом города федерального значения: «Это уже не уральскость, а Екатеринбург как глобальный город» (политолог, журналист, 05.12.2019, Екатеринбург).

Рассматривая регионализм с точки зрения взаимоотношений с федеральным центром, следует подчеркнуть некоторую степень независимости и оппозиционности Свердловской области: «Это любопытный момент. У свердловчан ощущение какой-то инаковости и желание идти против центра» (философ-исследователь, доктор наук, 05.12.2019, Екатеринбург)²². По мнению экспертов, регион находится в более выгодном по сравнению с другими территориями положении благодаря

¹⁹ Дубичева К. (2019) Демидовы победили стахановцев // Российская газета. 7 февраля 2019 // <https://rg.ru/2019/02/07/reg-urfo/uralskij-istorik-prosledil-izmenenie-mifologii-promyshlennogo-kraia.html>

²⁰ Президентский центр Б.Н. Ельцина (Ельцин Центр) – общественный, культурный и образовательный центр, открытый в Екатеринбурге в 2015 г. под эгидой одноименного фонда. Одним из основных объектов центра является Музей Бориса Ельцина, посвященный современной политической истории России и личности первого президента России, выходца из Свердловской области.

²¹ Неслучайно некоторые общественники популяризируют тему «сделано на Урале». Самое массовое сообщество в социальных сетях *MADE IN URAL* (более 15 тыс. подписчиков) организовало продажу сувениров, например, футболок с уральскими мотивами.

²² Что касается регионализма «сверху», в Свердловской области в настоящее время эта тема не актуализирована.

тому, что в Совете Федерации его представляют политические «тяжеловесы» – Э.Э. Россель и А.М. Чернецкий. Однако эксперты сомневаются в их лоббистских возможностях и приводят в качестве примеров отказы Москвы в финансировании больших проектов.

«Чернецкий в своей риторике пытается говорить про интересы Екатеринбурга. Пытается добиться, чтобы у нас построили вторую ветку метро. Это такая обида екатеринбуржцев, что нам не дают денег на нее» (политолог, журналист, 05.12.2019, Екатеринбург).

Сходным с Татарстаном является и тренд на включенность в мегапроектную деятельность в качестве источника для привлечения федеральных средств.

«На ЭКСПО два раза заявку подавали, но “пролетели”; с Универсиадой неизвестно что будет, ждут миллиардов как манны небесной, скорее всего, ничего не получают: не стоит ждать золотого дождя из федерального центра» (политолог, журналист, 05.12.2019, Екатеринбург).

При этом в случае Свердловской области эти инициативы менее успешны: на многие масштабные проекты региональная элита так и не добилась федерального финансирования. Это связано с тем, что местное руководство в диалоге с федеральным центром не может использовать убедительные аргументы. Несмотря на укоренившиеся представления об «особости» и «инаковости» региона, закрепившиеся в региональной идентичности, федеральные власти не видят иной специфики Свердловской области, кроме как в высоком уровне экономического развития.

«Свердловская область – это не серднячок, как какая-то Ивановская область, и в экономическом плане не последний регион. Но не сказать, чтобы он был стратегически важный: он не нефтегазовый, как ЯНАО; не национальный, как Татарстан; не пограничный, как Чечня» (политолог-исследователь, кандидат наук, 05.12.2019, Екатеринбург).

Заключение

Траектории развития регионализма в современной России зависят от формата взаимоотношений между регионалистскими движениями (регионализм «снизу») и региональной правящей элитой (регионализм «сверху»). И в Свердловской области, и в Республике Татарстан оба вектора являлись серьезной силой и вместе обеспечивали активность и субъектность элиты на регионалистской основе.

В 2000-е гг. регионы продемонстрировали разные траектории эволюции регионализма. В Республике Татарстан регионализм «сверху» сохранился в измененном виде и работает с этнорегиональными организациями (регионализм «снизу»), которые сохраняются как значимое явление. В Свердловской области регионализм «сверху» был подавлен федеральным центром, что привело и к затуханию регионализма «снизу», который в настоящее время при отсутствии зарегистрированных регионалистских организаций представлен лишь единичными активистами. Маргинализация регионализма как процесс вытеснения регионалистских движений из числа акторов, активно участвующих в политике региона, означает переход регионалистского дискурса из организационного формата в индивидуализированную дискурсивную рефлексию отдельных индивидов об особости территории и потребности в расширении прав субъекта, но не предполагающую формулирование требований и коллективного действия.

В Татарстане регионалистские организации прежде всего представляют интересы титульного этноса, а не региональные интересы, и соответствующие требования высказываются публично и, как правило, не адресно, или же эта адресация достаточно условна. Правящая элита Татарстана выдвигает требования, которые нельзя определить как однозначно регионалистские, но поддержка которых определено выгодна для региона. Число лиц, участвующих в таком диалоге, очень незначительно, а коммуникации остаются преимущественно неформальными и непубличными. Регионализм в Татарстане специфичен тем, что транслятором региональной особости выступают и регионалистские организации, и региональная власть. В Свердловской области регионализм на уровне «центр – регионы» мало актуализирован элитными кругами и поддерживается в большей степени гражданскими активистами.

Регионалистский дискурс в Свердловской области и Республике Татарстан основан на инаковости регионов и связан с территориальной идентичностью. В Татарстане наличие региональной идентичности фиксируется особым понятием «татарстанцы», которое конструируется как интерэтническая идентичность. Этнический и религиозный компоненты используются регионалистскими организациями как мобилизационные ресурсы, а региональной элитой – как основа конструирования образа региона для презентации центру. Уральская идентичность в большей степени обозначает городскую екатеринбургскую идентичность, чем макрорегиональную. В этих условиях благоприятную основу для регионализма задает региональная идентичность, фокус которой смещается на символические инструменты с целью стимулирования регионального патриотизма. В этом смысле опыт Татарстана представляет большой интерес для других территорий; это пример того, как мегасобытия и брендинг территории отражаются на реальном социально-экономическом развитии и позитивном самоощущении жителей.

Выраженность и переживание собственной уникальности – это потенциальная возможность для актуализации регионалистского движения, и в определенных ситуациях местные элиты могут инструментально использовать регионалистский дискурс об особости региона. Контекстуальные условия в виде централизации политического пространства не дают полноценно артикулировать и политизировать тему регионализма в России, оставляя ее преимущественно в сфере символической репрезентации региональной особенности и идентичности.

Литература

- Гельман В.Я. (2001–2002) По ту сторону Садового кольца: опыт политической регионалистики России // *Полития*. № 4. С. 65–94.
- Докучаев Д.С., Назукина М.В. (2013) «Элитарный» регионализм в России: проблема взаимоотношений власти и интеллигенции (на примере Пермского края и Ивановской области) // *Интеллигенция и мир*. № 3. С. 18–33.
- Киселев К.В. (2014) К вопросу об идентичности Свердловской области // *Дискурс Пи*. № 2–3. С. 206–210.
- Магомедов А.К. (2000) Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического воссоздания «снизу». М.
- Назукина М.В. (2019) Символические аспекты российского регионализма: на примере конкурсных практик // *Ars Administrandi (Искусство управления)*. Т. 11. № 4. С. 532–550. DOI: 10.17072/2218-9173-2019-4-532-550
- Панов П.В. (ред.) (2017) *Балансируя притязания: Этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. М.: Политическая энциклопедия.
- Панов П.В. (2020) Многоликий регионализм // *Вестник Пермского университета. Серия Политология*. № 1. С. 102–115. DOI: 10.17072/2218-1067-2020-1-102-115
- Понарин Э.Д., Жирков К.А. (2013) Национализм этнический и политический: институциональные факторы татарского национализма в республиках волжско-уральского региона // *Мир России*. Т. 22. № 3. С. 152–177.
- Стародубцев А.В. (2014) *Платить нельзя проигрывать: региональная политика и федерализм в современной России*. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге.
- Туровский Р.Ф. (2006) *Политическая регионалистика*. М.: ВШЭ.
- Burbank J. (2015) *Eurasian Sovereignty: The Case of Kazan* // *Problems of Post-Communism*, vol. 62, no 1, pp. 1–25. DOI: 10.1080/10758216.2015.1002326
- Easter G.M. (1997) *Redefining Centre Regional Relations in the Russian Federation: Sverdlovsk oblast* // *Europe-Asia Studies*, vol. 49, no 4, pp. 617–635. DOI: 10.1080/09668139708412463
- Hughes J. (1994) *Regionalism in Russia: The Rise and Fall of Siberian Agreement* // *Europe-Asia Studies*, vol. 46, no 7, pp. 1133–1161.
- Keating M. (1995) *Regions and Regionalism in the European Community* // *International Journal of Public Administration*, vol. 18, no 10, pp. 1491–1511. DOI: 10.1080/01900699508525063
- Keating M. (1998) *The New Regionalism in Western Europe. Territorial Restructuring and Political Change*. Aldershot: Edward Elgar.
- Keating M. (2016) *Contesting European Regions* // *Regional Studies*, vol. 51, pp. 9–18. DOI: 10.1080/00343404.2016.1227777
- Lawson S. (2016) *Regionalism, Sub-regionalism and the Politics of Identity in Oceania* // *The Pacific Review*, vol. 29, no 3, pp. 387–409. DOI: 10.1080/09512748.2015.1022585
- Paasi A. (2002) *Place and Region: Regional Worlds and Words* // *Progress in Human Geography*, vol. 26, no 6, pp. 802–811. DOI: 10.1191/0309132502ph404pr
- Perrin T. (2012) *New Regionalism and Cultural Policies: Distinctive and Distinguishing Strategies, from Local to Global* // *Journal of Contemporary European Studies*, vol. 20, no 4, pp. 459–475. DOI: 10.1080/14782804.2012.737663
- Prytherch D. (2006) *Narrating the Landscapes of Entrepreneurial Regionalism: Rescaling, 'New' Regionalism and the Planned Remaking of València, Spain* // *Space and Polity*, vol. 10, no 3, pp. 203–227. DOI: 10.1080/13562570601110609
- Raagmaa G. (2002) *Regional Identity in Regional Development and Planning* // *European Planning Studies*, vol. 10, no 1, pp. 55–76. DOI: 10.1080/09654310120099263
- Shlapentokh V. (1994) *Regionalization in Russia: An Uncertain Future* // *International Journal of Politics, Culture, and Society*, vol. 7, no 3, pp. 401–417.
- Stavrakis P.J., DeBardeleben J., Larry B. (eds.) (1997) *Beyond the Monolith: The Emergence of Regionalism in Post-Soviet Russia*. Woodrow Wilson Center Press with Johns Hopkins University Press.

- Syssner J. (2009) Conceptualizations of Culture and Identity in Regional Policy // *Regional & Federal Studies*, vol. 19, no 3, pp. 437–458. DOI: 10.1080/13597560902957518
- Zimmerbauer K. (2011) From Image to Identity: Building Regions by Place Promotion // *European Planning Studies*, vol. 19, no 2, pp. 243–260. DOI: 10.1080/09654313.2011.532667
- Zimmerbauer K., Paasi A. (2013) When Old and New Regionalism Collide. De-institutionalization of Regions and Resistance Identity in Municipality Amalgamations // *Journal of Rural Studies*, vol. 30, pp. 31–40. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2012.11.004
-
-

The Trajectory of the Development of Regionalism in Russia: Practices of Sverdlovsk Oblast and the Republic of Tatarstan

T. VITKOVSKAIA*, M. NAZUKINA**

***Tatiana Vitkovskaia** – PhD in Politics, Perm Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Address: 13a, Lenin St., Perm, 614990, Russian Federation. E-mail: vit.tatiana@gmail.com

****Mariya Nazukina** – PhD in Politics, Perm Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Address: 13a, Lenin St., Perm, 614990, Russian Federation. E-mail: nazukina@mail.ru

Citation: Vitkovskaia T., Nazukina M. (2021) The Trajectory of the Development of Regionalism in Russia: Practices of Sverdlovsk Oblast and the Republic of Tatarstan. *Mir Rossii*, vol. 30, no 1, pp. 67–87 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-1-67-87

Abstract

In this article, we analyze how regionalism developed in the Russian regions from its most active phase in the 1990s until today, when this process has almost faded out. In particular, we analyze the dynamics and modern forms of regionalism for two regions: the Republic of Tatarstan and Sverdlovsk Oblast. It is based on an empirical study conducted by the authors in both regions in 2019. Study materials include interviews with participants of regionalist movements, interviews with experts and observation. Additionally, we employ regional media materials and data from social networks. Special attention is paid to regionalist organizations (as actors articulating regionalism), the strategies of regional elites and the patterns of their interaction with regionalist organizations. Regionalism “from below”, as an activity of regionalist organizations, and regionalism “from above”, as a policy of regional elites, are differentiated. We show that the balance of the two within a region affects the formation of the local model of regionalism. We further reveal different trajectories of the dynamics of regionalism: its “elitization” in the Republic of Tatarstan and its “marginalization” in Sverdlovsk Oblast. We conclude that the regionalist discourse in Russia remains mainly in the sphere of symbolic representation of regional features and identities.

Keywords: regionalism, regional identity, regional elites, regionalist movements, Republic of Tatarstan, Sverdlovsk Oblast

References

- Burbank J. (2015) Eurasian Sovereignty: The Case of Kazan. *Problems of Post-Communism*, vol. 62, no 1, pp. 1–25. DOI: 10.1080/10758216.2015.1002326
- Gel'man V.Ya. (2001–2002) Po tu storonu Sadovogo kol'tsa: opyt politicheskoy regionalistiki Rossii [On the Other Side of Sadovoye Ring: The Experience of Russian Political Regionalism]. *Politiya*, no 4, pp. 65–94.
- Dokuchaev D.S., Nazukina M.V. (2013) «Elitarnyj» regionalizm v Rossii: problema vzaimootnoshenij vlasti i intelligentsii (na primere Permskogo kraja i Ivanovskoj oblasti) [“Elitist” Regionalism in Russia: The Problem of The Relationship between the Government and the Intelligentsia (The Case of Perm Region and Ivanovo Oblast)]. *Intelligentsiya i mir*, no 3, pp. 18–33.
- Easter G.M. (1997) Redefining Centre Regional Relations in the Russian Federation: Sverdlovsk Oblast'. *Europe-Asia Studies*, vol. 49, no 4, pp. 617–635. DOI: 10.1080/09668139708412463
- Hughes J. (1994) Regionalism in Russia: The Rise and Fall of Siberian Agreement. *Europe-Asia Studies*, vol. 46, no 7, pp. 1133–1161.
- Keating M. (1995) Regions and Regionalism in the European Community. *International Journal of Public Administration*, vol. 18, no 10, pp. 1491–1511. DOI: 10.1080/01900699508525063
- Keating M. (1998) *The New Regionalism in Western Europe. Territorial Restructuring and Political Change*, Aldershot: Edward Elgar.
- Keating M. (2016) Contesting European Regions. *Regional Studies*, vol. 51, pp. 9–18. DOI: 10.1080/00343404.2016.1227777
- Kiselev K.V. (2014) K voprosu ob identichnosti Sverdlovskoj oblasti [On the Issue of Identity of Sverdlovsk Oblast]. *Discourse Pi*, no 2–3, pp. 206–210.
- Lawson S. (2016) Regionalism, Sub-regionalism and the Politics of Identity in Oceania. *The Pacific Review*, vol. 29, no 3, pp. 387–409. DOI: 10.1080/09512748.2015.1022585
- Magomedov A.K. (2000) *Misteriya regionalizma. Regional'nye pravyyashchie elity i regional'nye ideologii v sovremennoj Rossii: modeli politicheskogo vossozdaniya «snizu»* [The Mystery of Regionalism. Regional Ruling Elites and Regional Ideologies in Modern Russia: Models of Political Reconstruction “From Below”], Moscow.
- Nazukina M.V. (2019) Simvolicheskie aspekty rossijskogo regionalizma: na primere konkursnykh praktik [Symbolic Aspects of Russian Regionalism: The Case of Competition Practices]. *Ars Administrandi*, vol. 11, no 4, pp. 532–550. DOI: 10.17072/2218-9173-2019-4-532-550
- Paasi A. (2002) Place and Region: Regional Worlds and Words. *Progress in Human Geography*, vol. 26, no 6, pp. 802–811. DOI: 10.1191/0309132502ph404pr
- Panov P.V. (ed.) (2017) *Balansiruyaya priyazaniya: Etnicheskie regional'nye avtonomii, tselostnost' gosudarstva i prava etnicheskikh men'shinstv* [Balancing Claims: Ethnic Regional Autonomies, State Integrity and the Rights of Ethnic Minorities], Moscow: Political encyclopediya.
- Panov P.V. (2020) Mnogolikii regionalizm [Many Faces of Regionalism]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Politologiya*, no 1, pp. 102–115. DOI: 10.17072/2218-1067-2020-1-102-115
- Perrin T. (2012) New Regionalism and Cultural Policies: Distinctive and Distinguishing Strategies, from Local to Global. *Journal of Contemporary European Studies*, vol. 20, no 4, pp. 459–475. DOI: 10.1080/14782804.2012.737663
- Ponarin E., Zhirkov K. (2013) Natsionalizm etnicheskij i politicheskij: institutsional'nye faktory tatarskogo natsionalizma v respublikakh volzhsko-ural'skogo regiona [Ethnic and Political Nationalism: Institutional Factors of Tatar Nationalism in the Republics of the Volga-Ural Region]. *Mir Rossii*, vol. 22, no 3, pp. 152–177.

- Prytherch D. (2006) Narrating the Landscapes of Entrepreneurial Regionalism: Rescaling, 'New' Regionalism and the Planned Remaking of València, Spain. *Space and Polity*, vol. 10, no 3, pp. 203–227. DOI: 10.1080/13562570601110609
- Raagmaa G. (2002) Regional Identity in Regional Development and Planning. *European Planning Studies*, vol. 10, no 1, pp. 55–76. DOI: 10.1080/09654310120099263
- Shlapentokh V. (1994) Regionalization in Russia: An Uncertain Future. *International Journal of Politics, Culture, and Society*, vol. 7, no 3, pp. 401–417.
- Stavrakis P.J., DeBardleben J., Larry B. (eds.) (1997) *Beyond the Monolith: The Emergence of Regionalism in Post-Soviet Russia*, Woodrow Wilson Center Press with Johns Hopkins University Press.
- Starodubtsev A.V. (2014) *Platit' nel'z'ya proigryvat': Regional'naya politiki i federalizm v sovremennoj Rossii* [Pay not Lost: Regional Politics and Federalism in Modern Russia], Saint Petersburg: Evropejskij universitet v Sankt-Peterburge.
- Syssner J. (2009) Conceptualizations of Culture and Identity in Regional Policy. *Regional & Federal Studies*, vol. 19, no 3, pp. 437–458. DOI: 10.1080/13597560902957518
- Turovskij R.F. (2006) *Politicheskaya regionalistika* [Political Regional Studies], Moscow: HSE.
- Zimmerbauer K. (2011) From Image to Identity: Building Regions by Place Promotion. *European Planning Studies*, vol. 19, no 2, pp. 243–260. DOI: 10.1080/09654313.2011.532667
- Zimmerbauer K., Paasi A. (2013) When Old and New Regionalism Collide. De-institutionalization of Regions and Resistance Identity in Municipality Amalgamations. *Journal of Rural Studies*, vol. 30, pp. 31–40. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2012.11.004